

Информационное противостояние в арабо-израильском конфликте

Исторические
и современные особенности

Юрий Бойко,

доктор медицинских наук,
кандидат юридических наук, профессор

В современном мире любая локальная война или конфликт сопровождается войной информационной, ведущейся самыми различными методами воздействия на сознание граждан различных стран для формирования определенного общественного мнения.

По меткому замечанию Э.Галумова “...частичная виртуализация государственности, политики, экономики, культуры уже сегодня есть факт реальности”¹. Понятно, что противоборствующие стороны стараются максимально донести до мирового сообщества именно свое видение ситуации. Не стал исключением и нынешний конфликт между Израилем и Хезболлой. Однако информационная война между арабским миром и Израилем ведется постоянно, практически не прекращаясь и не затихая.

Истоки этой информационной войны, как и всего арабо-израильского конфликта исходят из тысячелетнего взаимного недоверия, а временами и прямого противоборства двух народов, имеющих общие этнические корни, но разделенных ходом истории.

Заселение Передней Азии началось в XIV–XI вв. до нашей эры одновременно семитскими арамейскими и древнееврейскими племенами, ранее проживавшими в глубине Аравийского полуострова, причем

последние осели на территории между Тивериадским озером и Мертвым морем около 1250 г. до н. э.

Завоевание Аравийского полуострова в VII в. н. э. последователями Мохаммеда, имевшими арабско-бедуинское происхождение, определило исторические корни конфликта. К этому времени активное расселение евреев, начавшееся с эпохи захвата всего Ближнего Востока Александром Македонским, привело к образованию еврейской диаспоры по всему средиземноморскому побережью.

К моменту захвата арабами во главе с халифом Омаром ибн аль-Хоттабом Иерусалима и территории Палестины в 637 г. н. э. еврейское население ее составляло примерно 5%. Одной из причин этого стали Иудейские войны, закончившиеся установлением в регионе римского владычества и разрушением в 70-м году н. э. Иерусалима и храма Соломона войсками Тита.

Активно борясь с римлянами, евреи присоединились к персам, завоевавшим Иерусалим в 614 г., поэтому, эдиктом византийского императора Гераклия, отвоевавшего в 621 г. потерянные территории Малой Азии, были подтверждены запреты императоров Адриана и Константина на поселение евреев в Иерусалиме².

Итак, к моменту исламского завоевания Палестины евреи, хотя и считали палестинские земли своей исторической родиной, но составляли лишь небольшую часть ее населения и были в достаточной степени рассеяны по странам Средиземноморья.

Дальнейшая история Палестины также не была спокойной – в 1099 г. она была захвачена крестоносцами, затем снова отвоевана арабскими войсками под командованием курда Салах эд-Дина аль-Айюби. Однако в период арабского господства в Палестине ни христиане, ни евреи не подвергались религиозным гонениям, так как считались “людьми Книги”, то есть Библии.

В 1516 г. вся территория Ближнего Востока, включая Палестину была оккупирована турками.

В период владычества Османской империи (турецкое самоназвание – Османская империя), длившегося 400 лет, Палестина в административном отношении делилась на ряд районов – Иерусалим, Газа, Наблус, Сидон, и Бейрут. Являясь частью Османской империи, Палестина была заселена преимущественно арабами. До конца XIX в. сохранялся именно такой этнический состав.

Ограничение прав нетурецких народностей, которые ввели власти Османской империи в конце XIX в., относилось и к

арабам, и к евреям, что определило значительный рост националистических настроений у обоих народов.

Вторая половина XIX в. характеризовалась усилившимися к концу века попытками переселения в Палестину евреев, которые намеревались “осваивать” страну. Численность евреев, живших в Палестине, до начала этого периода составляло не более 5000 чел., преимущественно сосредоточенных в городах Саведе, Хевроне, Иерусалиме и Тивериаде.

Интерес евреев к переселению на историческую родину был, в частности, связан и с тем, что получение прав формально равных с правами других граждан Западной Европы, не только не решило еврейский вопрос, но даже усугубило его. Отсутствие интеграции в христианское общество и усилившийся антисемитизм показали еврейской интеллигенции невозможность решения еврейского вопроса в диаспоре, несмотря на равенство перед законом.

Начиная с 70-х годов XIX в., многие еврейские публицисты и философы начали выступать за необходимость возвращения евреев на историческую родину, в Эрец-Израэль, то есть Палестину. К 90-м годам XIX в. относится возникновение термина “сионизм”, представлявший точку зрения тех идеологов еврейства, кто в противовес чисто поселенческой стратегии стремился обеспечить “возвращение” евреев в Палестину политическими методами.

У истоков сионистского движения стояли Л.Пинскер, автор книги “Автоэмансипация” и основатель Всемирной сионистской организации (ВСО) Т.Герцль.

В результате первой волны иммигрантов (1881–1903 гг.) в Палестину прибыло около 10 тыс. евреев. Арабское население

с настороженностью и возрастающей враждебностью следило за прибывающими иммигрантами и их активностью.

Арабские авторы неоднократно подчеркивали, что арабское население Палестины, хоть и находилось к моменту начала массовой иммиграции евреев в угнетенном положении, смогло добиться определенных успехов в развитии сельского хозяйства, рыболовства и промыслов.

С другой стороны, никто не может отрицать, что еврейские переселенцы "первой волны" проделали большую работу в очень сложных условиях и достигли больших успехов в земледелии и садоводстве.

Таким образом, в общей форме палестинская проблема проистекает из стремления евреев и арабов превратить Палестину в свое национальное государство. Сложности и противоречия современного периода, перерастающие в военные конфликты – это противоречия еврейского и арабского национализмов, считающих Палестину своей исторической родиной с равной обоснованностью³.

Именно равенство прав и делает арабо-израильское противостояние особенно острым и непримиримым, и хотя проблема занятых территорий сейчас, после ухода израильтян из Сектора Газа и с западного берега р. Иордан, стала не столь актуальной в глазах мирового сообщества, но проблема Иерусалима как исторической столицы обоих народов со святынями трех мировых религий представляется на современном этапе практически неразрешимой. Это заставляет обе стороны продолжать апеллировать к международному сообществу, что усиливает войну в информационной сфере.

Точками приложения усилий обеих сторон в информационной войне в данной ситуации можно назвать не только, и не столько народы Израиля и Пале-

стины и население других арабских стран (прямо или косвенно участвующих в конфликте), а, в большей степени, народы мира, мировую политическую элиту как национальную, так и международную, мировое сообщество.

Анализ информации, предоставляемой мировыми СМИ, показывает, что информационная война идет в настоящее время и на этом "фронте": производятся атаки, обходные маневры, а непримиримость, выказываемая каждой из сторон, не уступает по напряженности прямым столкновениям.

Когда мы имеем дело с мифом или сложившимся архетипом, принципиальное значение имеет то, что человек как бы уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней лицом к лицу, а соответственно и не воспринимает. Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая активность человека, и чем больше она возрастает, тем легче через символы управлять и манипулировать людьми. Если за века сложился устойчивый миф, например, в виде угрозы со стороны другого народа, то общественному мнению не понадобятся никакие доказательства причастности его к любому негативному явлению или воздействию.

Обычные методы политического принуждения не способны дать подобный эффект. Даже под самым мощным политическим прессом люди не перестают жить частной жизнью. Всегда остается сфера личной свободы, противостоящей такому давлению. Современные политические мифы при их грамотном использовании вторгаются и в эту сферу человеческой жизни.

Особенность мифа в том, что он сам по себе неуязвим, поскольку нечувствителен к рациональным аргу-

ментам, его можно только вытеснить, заменив другим мифом.

В современном мире, на поле глобального информационного пространства, процесс создания мифов резко ускорился. Теперь миф – это один из центральных пунктов информационно-психологической войны. “Картина мира”, то есть то, с чем человек сравнивает реальность, из целостной и взаимосогласованной становится фрагментарной, мозаичной, состоящей из набора мифов. Эти мифы зачастую дают ложное, искаженное представление о реальности. Особо значимыми являются такие возможности мифа как формирование и поддержание коллективной идентичности в условиях внешнеполитических кризисов.

Широко известно, что наличие в обществе внутренних проблем зачастую требует от политической элиты консолидировать это общество для борьбы с внешней угрозой в лице так называемого образа “чужого”. Нельзя не отметить, что на Ближнем Востоке в образе “чужого” для значительной части арабского населения выступает именно еврейский народ, хотя при определенных обстоятельствах, этот образ расширяется и может включать также правительства и народы других стран.

Со своей стороны и в Израиле, имеющем ряд внутренних проблем, также формируется образ евреев как нации, борющейся с враждебным внешним окружением в лице “чужого”, то есть арабского мира.

Следует отметить, что многое зависит от уровня развития системы ценностей, сформировавшейся, в том числе, и на основе национального самосознания. По мере развития общества, свойственная ему специфическая система ценностей, видоизменяясь

вместе с ним, сама меняет общество. В частности, это проявляется в том, что первичное и неосознанное восприятие “чужого” как угрозы, по мере развития рефлексивных навыков отражения реальности, приводит к расширению объема идентификации, то есть включению в категорию “своих” индивидуумов из иных этнических групп. Условление собственной модели и модели внешнего мира углубляет прогностический анализ с точки зрения последствий того или иного решения, что ведет к тому, что исходно враждебное отношение к “чужому” преобразуется в терпимость. Однако предварительным условием такого подхода является то, что элементарный уровень конфликта исключается из фокуса сознательного контроля и перестает субъективно переживаться. Если же это не так, если налицо – переживаемый конфликт – образ “чужого” продолжает отвечать задачам национальной консолидации.

Значение образа “чужого” как угрозы актуализируется также в периоды развития нации, сопровождающиеся кризисом идентичности и сменой ценностных координат. Это происходит самопроизвольно в обществе как результат ослабления или разрушения прежних механизмов нормативной регуляции – идеологических и политических (государственных)³.

В частности, для Израиля, как очень молодого, в историческом масштабе, государства, находящегося во враждебном окружении, образ “чужого” по-прежнему актуален и эффективен в использовании его для национальной консолидации.

Распад Османской империи, под властью которой 400 лет прожили в Палестине арабская и еврейская ди-

аспоры, и передача Палестины под мандат управления Великобритании, явившиеся результатом Первой мировой войны, стали начальным шагом к неопределенной и конфликтной ситуации, сложившейся на Ближнем Востоке со второй половины XX в., и длящейся по настоящее время. Декларация Бальфура, которая легла затем в основу британского мандата на управление Палестиной и меморандум, озаглавленный “Британская политика в Палестине” (1922 г.), получивший в последствии название “Белая книга Черчилля”, обусловили возможность создания национального еврейского государства на палестинской земле в качестве исторической родины еврейского народа, что вызвало практически шоковую реакцию в арабском мире.

Другим примером кризиса идентичности могла бы являться проблема курдского народа, которая первоначально рассматривалась в рамках так называемой программы Вильсона параллельно с проблемой армян из-за совместного или соседского проживания этих двух народов на востоке Османской империи⁴.

Проблема самоопределения курдского народа была выделена в самостоятельный вопрос. Впервые это было зафиксировано в Севрском договоре, в котором речь шла о возможности предоставления курдам автономии в составе Турции. Но, в отличие от армянского народа, который смог, хотя и не в рамках программы Вильсона, частично реализовать свое право на самоопределение, курдам это не удалось. В определенной степени причиной этого являлись противоречия между курдскими элитами, а также то, что этот вопрос так и остался нерешенным в рамках международных договоров и соглашений³. Курдская проблема оста-

ется острой по настоящее время и продолжает дестабилизировать обстановку не только в Турции и Ираке, но и во всем близлежащем регионе. Незавершенностью и половинчатостью принятых странами-победителями и Лигой Наций решений по Курдской, Балканской и Палестинской проблемам были заложены “мины замедленного действия”, определившие основные современные очаги напряженности.

По окончании Второй мировой войны, осенью 1947 г., Великобритания, под мандатом управления которой находилась Палестина, передала палестинский вопрос на обсуждение ООН, и в конечном счете, после долгих прений Генеральная Ассамблея ООН приняла 29 ноября 1947 г. резолюцию 181 (II) о прекращении действия британского мандата и образовании на территории Палестины двух самостоятельных государств: арабского и еврейского. Иерусалим и его окрестности были при этом выделены в специальную зону под международным контролем.

Это решение было с воодушевлением встречено всеми евреями в разных странах, в то время как палестинские арабы и практически все арабские государства отвергли эту резолюцию, поскольку ее признание означало бы признание права на существование государства Израиль.

Действия по закреплению за будущим еврейским государством территории, отведенной ему ООН, были начаты еврейской общиной немедленно, а ряд ультранационалистических еврейских организаций предпринял попытки расширения территории.

Со своей стороны в 1947 г. Лига Арабских государств (ЛАГ), образованная 22.03.1945 г., объявила о мобилизации добровольцев для отправки в Палестину, обосновывая это решение,

прежде всего, религиозными соображениями. 15 мая 1948 г., на следующий день, после того как английские войска покинули контролируемую ими территорию, и официально было провозглашено создание государства Израиль, регулярные войска стран-участниц ЛАГ вступили на палестинскую землю. Начался первый из серии конфликтов и локальных войн, сотрясавших регион в течение второй половины XX в.⁵, перешедших в XXI в. и неоднократно ставивших мир перед угрозой мировой войны.

Как показывает практика, противоречия между сторонами только усиливают попытки вмешательства извне, как бы деликатно эти попытки не делались⁶.

При рассмотрении национального аспекта ближневосточных противоречий необходимо учитывать, что на Западе и Востоке различны интерпретации самой категории “нация”.

Для Запада, на современном этапе, это понятие означает гражданское общество и его консолидацию на принципах демократии, в то время как на Востоке предполагается что этническая или религиозная общность консолидируется вокруг национального лидера-вождя, совмещающего в себе и светскую, и духовную власть, который гарантирует социальную справедливость поддерживающей его общине. Это, безусловно, учитывают представители исламистской политической элиты.

Ограничения, накладываемые мусульманскими религиозными лидерами на использование опыта других народов, не исповедующих ислам, способствуют отличающейся от общепринятых трактовке современных институтов государственного устройства, та-

ких, например, как права человека или демократия.

Существует мнение, что исламские государства вообще не могут развиваться по демократическому пути. Основным здесь является аргумент, что законы, по которым живет демократическое общество, пишутся специальными органами власти, а в мусульманских государствах такие законы уже прописаны в Коране. Представляется, однако, что опыт рассеянного проживания мусульман во всем мире, в том числе и странах с развитой демократией, а также изменение режимов во многих традиционных мусульманских государствах на демократические, происходящее в последнее время, доказывает обратное, хотя, конечно, “демократия” в сочетании с традиционным исламом имеет значительные отличия от западных образцов.

Проигрыш Западу мусульманским миром на современном этапе развития в социально-экономическом отношении обусловил востребованность исламской альтернативы в качестве попытки найти выход из создавшегося положения. Добиться осуществления модернизации, отвечающей требованиям современного мира, мусульманам не удалось, поэтому исламская альтернатива выступает в качестве оборонительного подхода, позволяющего сохранить культурную идентичность последователей ислама под нажимом внешнего мира⁷.

Каждый виток развития общества требует адекватных ответов на внутренние вызовы и внешние угрозы. В общем случае, для каждого народа, потребность в безопасности, самосохранении стимулирует совершенствование национальной (групповой) рефлексии, то есть появления категории “нация”, и, одновременно, категории “нацио-

нальный интерес”. В случае же обсуждаемого противостояния один из субъектов оказывается искусственно выведен за национальные рамки, и речь идет о появлении общности “исламский мир”, чей желательный образ формируется политическими элитами, представленными или структурами власти некоторых стран, или иными группами, и тем самым формулируется цель определенного политического действия. Интерпретируя интересы исламского мира, определенные группы политических элит возбуждают в мусульманском обществе внутренние переживания по отношению к внешним вызовам и угрозам и стимулируют консолидацию в рамках всего исламского сообщества.

По мере развития конфликта, все яснее вырисовывается тот факт, что по обе стороны “фронта” происходит консолидация значительной части населения вокруг “национальной идеи”, причем, поскольку конфронтация длится очень давно и “идея” уже овладела массами, политические элиты обеих сторон могут активно эксплуатировать ее. Кроме того, для арабского мира эту идею можно назвать даже “наднациональной”, так как она поддерживается политическими элитами разных стран, а также межнациональными экстремистскими организациями.

Существенным отличием национальной идеи еврейского народа от исламской идеи является то, что она направлена на сохранение существующего в настоящее время порядка и мировоззрения, – израильтяне стремятся сохранить свою страну, ее место на карте мира, ее положение в мировом сообществе, ее достижения. Исламистская идеология, наоборот, стремится изменить и преобразовать существующие отношения, расширить место му-

сульманских государств “под солнцем”, увеличить их влияние в мире.

В условиях развивающегося конфликта и актуализации образа “чужого” трудно ожидать каких-либо позитивных сдвигов в позициях противоборствующих сторон. Французский писатель Ромен Роллан сказал: “В борьбе не важно прав ты или нет – в борьбе нужна победа”. Однако специалисты считают, что эффективность фактора внешней угрозы высока только в течение короткого исторического периода.

Отметим, что и в израильском обществе нынешний конфликт вызвал небывалую консолидацию и все партии Кнессета (за исключением арабских депутатов) поддержали правительство страны в проводимой политике.

Возвращаясь к вопросам ведения информационно-психологической войны в рамках современного ближневосточного кризиса, можно отметить несколько конкретных особенностей:

- апелляция к истории с обеих сторон, отточенные веками аргументы, умение трактовать исторические данные, подчеркнуть нужные, или умолчать о не устраивающих сторону фактах;

- непримиримость позиции сторон;

- умелая подача информации арабской стороной, использование исламами жертв среди мирного населения для создания общего для всего мусульманского мира “образа жертвы”, показ в СМИ трупов, эмоциональных проявлений горя, ненависти к врагам и т.д.

Необходимо отметить, что обе стороны прекрасно понимают важность информационной составляющей конфликта. Не случайно одной из первых целей израильской авиации стали теле студии и передающие станции телеканалов, принадлежащих Хезболле, а израильские хакеры предприняли согла-

сованную атаку на Интернет-сайты этой организации, причем атаку успешную. Таким образом, можно говорить о попытках затруднения прямого доступа к информации, предоставляемой противной стороной.

С другой стороны, с точки зрения доступа журналистов и освещения ими происходящего, Израиль находится в намного менее выигрышной ситуации – исходя из принципа “свободы прессы”, право журналистов на свободное освещение событий ограничивается только соображениями безопасности самих представителей СМИ. Да и то военные журналисты ведут свои репортажи практически непосредственно из мест активных боевых действий. Только один раз за все время конфликта израильская полиция прервала репортаж телеканала Аль-Джазира с места попадания ракет в Хайфе, мотивируя это тем, что трансляция в прямом эфире может использоваться Хезболлой для корректировки огня.

Показательна в этом плане реакция журналистского сообщества не только Израиля, но и всех ведущих мировых телеканалов, которые сами приняли решение об ограничении прямого эфира в местах попадания ракет, а журналисты телеканала Аль-Джазира принесли извинения за случившийся инцидент.

Руководство Хезболлы также допускает журналистов в зону боевых действий, но только в сопровождении и ограничивает их передвижение определенными объектами, как правило, связанными с жертвами среди мирного населения. Такая ситуация достаточно типична при освещении происходящего в странах с тоталитарными или авторитарными режимами и демократических странах, которые находятся в силу большей открытости в заведомо худшем положении. Руководство Изра-

иля и его журналистское сообщество прекрасно это понимают, поэтому в ходе нынешнего информационного противостояния на израильском телевидении активно использовалась работа в “альтернативной коммуникативной среде” – как первой интерпретации происшедшего события официальными лицами⁸ – политики, депутаты Кнессета и другие официальные лица в прямом эфире постоянно давали комментарии происходящего.

Острота не только военного, но и информационного противостояния, усугубляется тем, что военно-экономическая мощь Израиля является достаточно ярким контрастом окружающему его арабскому миру. Тяготение Израиля к ценностям так называемой западной цивилизации идеологически противопоставлено тому, что сейчас называют “исламской альтернативой” – специфической форме ответа на вызовы современного этапа развития цивилизации, стремление мусульман определить собственное место в мировом развитии, показать возможность модели общественного уклада, основанной на принципах ислама.

Анализ тенденций, складывающихся в арабском мире, показывает продвижение исламистов по заявленному пути. Приход к власти в палестинской автономии группировки ХАМАС легитимным путем по результатам выборов, а также поддержка мусульманской частью населения Ливана группировки Хезболла, которая является не просто незаконным вооруженным формированием, но, скорее, социально-политической организацией, имеющей свою разветвленную социальную инфраструктуру и представленную в правительстве Ливана двумя ключевыми министрами, ставит перед мировым со-

обществом и международным правом новые неожиданные вопросы.

С одной стороны, ратующие за проведение в исламских государствах демократических выборов США и их союзники не могут не признать права любого народа на свободное волеизъявление, но и приход к власти политических партий и организаций террористического толка не устраивает мировое сообщество.

В не менее сложном положении оказались и благополучные исламские государства, такие как Саудовская Аравия, Египет и другие.

Такая тенденция, обозначившаяся в последнее время, не может их не настораживать. По-видимому, с этим и связан раскол, проявившийся в ЛАГ после начала военной операции Израилем против Хезболлы. Если раньше любое обострение, а тем более, вооруженное противостояние между Израилем и любым арабским государством или Палестинской автономией вызывало однозначное осуждение стран-участниц ЛАГ, то практически впервые за всю ее историю после начала бомбежек Ливана она не смогла принять общую резолюцию.

В комментариях зарубежных политических обозревателей было отмечено, что заявление МИД Саудовской Аравии по своей сути было мягче, чем заявления многих европейских государств, например, Франции. Кстати, согласно резолюции СБ ООН № 1701, именно французские миротворческие силы будут основными наряду с армией Ливана в "буферной зоне" между Израилем и Хезболлой.

Более того, в этом заявлении МИД Саудовской Аравии фактически обвинил Хезболлу в начале вооруженного конфликта. Нельзя забывать и о заявлениях некоторых видных религиозных деятелей, осуждающих действия Хезболлы и шейха Насруллы лично.

Разумеется, непрекращающееся противостояние между суннитами и шиитами тоже имеет значение в сложившейся ситуации.

Например, после принятия СБ ООН резолюции по Ливану страны суннитского толка однозначно эту резолюцию поддержали, страны шиитского толка, прежде всего Иран, эту резолюцию не приняли, а Сирия заявила не о поддержке резолюции ООН, но о поддержке правительства Ливана.

Сложившаяся ситуация позволяет сделать вывод о расколе в арабском мире, который, безусловно, играет на руку Израилю.

Судя по всему, активно продвигаемая президентом Ирана Ахмадинежадом идея создания панисламистского государства не вызывает восторга у многих исламских государств, которые видят в ХАМАС и Хезболле, участвующих, с одной стороны, во всех сферах общественной жизни, а с другой – являющихся, в определенной степени, надгосударственными образованиями, имеющими базы и собственные структуры на территории нескольких арабских государств, один из путей образования такого государства.

Такие организации получили название неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО)⁹.

Это название уже не в полной мере отражает реальное положение вещей, так как и ХАМАС, и Хезболла стали в определенной степени "правительственными" организациями. Но формальная легитимизация не поменяла их сути и целей: "НРПО трансграничны, имеют двойную структуру – легальную и подпольную и, как правило, ставят перед собой задачу либо свержения государственных режимов, либо политико-государственного самопре-

деления мусульман в ходе опять-таки насильственных действий”⁹.

За последние годы арабский мир лишился нескольких сильных лидеров, которые, несмотря на их явную диктаторскую сущность, являлись гарантом внутренней стабильности собственных стран.

Если в Сирии, передача власти была осуществлена традиционным для Востока путем – от отца к сыну, то режим Саддама Хусейна был насильственно свергнут и в стране были проведены демократические выборы по западному образцу. Эти выборы однозначно показали, что прямое копирование западной демократии в восточном исполнении не решает всех тех проблем, которые по замыслу США и их союзников, они должны были решить.

И если в Сирии, несмотря на ее тяжелое экономическое положение и явную внешнеполитическую слабость, обстановка внутри страны остается достаточно стабильной, то непрекращающиеся террористические атаки в Ираке однозначно свидетельствуют о слабости центральной власти.

Вызывает и значительные сомнения возможность исполнения принятой СБ ООН резолюции по Ливану. Лидеры Хезболлы однозначно заявили, что они не собираются разоружать своих боевиков, а эффективность действий ливанской армии и международных миротворческих сил, несмотря на довольно широкий мандат, выданный им СБ

ООН, у большинства экспертов вызывает вполне обоснованные сомнения. Да и судьба предыдущей резолюции по Ливану (№ 1559), предписывающей ливанской армии занять позиции вдоль “голубой линии”, а ливанскому правительству – разоружить Хезболлу, не внушает уверенности в четком исполнении нынешней.

“Этнополитические конфликты могут постепенно сокращаться и становиться менее насильственными при наличии одного из условий: либо если одна из конфликтующих сторон достигает очевидной победы, а другая терпит явное поражение; либо если стороны достигают в своем противоборстве ситуации взаимонеприемлемого мучительного пата”¹⁰.

Учитывая, что и Израиль, и Хезболла заявили о собственной победе при том, что Израиль не добился ни возвращения двух похищенных солдат, ни уничтожения Хезболлы или хотя бы устранения шейха Насруллы – цели, заявленные премьер-министром Ольмертом в самом начале 34-дневного противостояния, а Хезболла понесла тяжелейшие потери в человеческих и материальных ресурсах, значительно ухудшив собственный имидж как внутри Ливана, так и в глазах мирового сообщества, именно о патовой ситуации, одинаково не устраивающей обе стороны, и может идти речь.

Таким образом, можно констатировать, что наступившее в 5.00 14 августа 2006 г. прекращение огня, является временным затишьем, и к уже имеющимся очагам нестабильности добавился еще один дестабилизирующий фактор. Если судить по опыту предыдущего пребывания Армии обороны Израиля на ливанской территории, которое закончилось в 2000 г., дальнейшие прямые вооруженные столкновения, хотя и не в таком масштабе, неизбежны.

Все это, в сочетании с активизацией обстрелов израильских городов из сектора Газа ракетами Кассам, отказом представителей ХАМАС признать государство Израиль, (в данный момент в израильских тюрьмах находятся семь министров и председатель парламента Палестинской автономии, освобождение которых связано с судьбой захваченного капрала Гилада Шалита), непрекращающимися терро-

ристическими актами в Ираке и истекшим 22 августа ультиматумом, предъявленным США Ирану по его ядерной программы, внушает серьезные сомнения в возможности достижения мира и стабильности в регионе в ближайшем будущем.

Эта ситуация была предсказана многими политологами. Возникновение “нового поколения конфликтов, прежде всего между экстремистскими элементами (в лагере как арабов, так и израильтян), с одной стороны и, силами, стремящимися к мирному переустройству – с другой”¹¹ – ставят перед всем мировым сообществом, в том числе и Россией, новые вызовы, требующие разработки адекватных механизмов реагирования. Понимая, что “борьба за умы и души – это не краткосрочная кампания, а растянутый по времени процесс, который может занять годы и десятилетия”¹², представляется вполне вероятным предсказать приближение очередного витка обострения конфликта по повышению активности противостояния сторон в информационной сфере.

Примечания

¹ Галумов Э.А. Имидж против имиджа. М.: Известия, 2005. С. 210.

² Пырлин Е.Д. 100 лет противоборства. М.:РОССПЭН, 2001. С. 21–27.

³ Бойко Ю.П. Внутри- и внешнеполитические факторы нацио-строительства. Монография. М.: “Научная книга”, 2005. С. 103–105, 190–195.

⁴ Даси Ю.Р. Курдский вопрос в региональной и мировой политике. Диссертация на соискание научного звания кандидата политических наук. М., 1998. С. 54.

⁵ Кудрявцев А.В. Исламский мир и палестинская проблема. М.: Наука, 1990. С. 55–61.

⁶ Ден Кон Шербак, Дауд эль Аллами. Палестина – израильский конфликт. Две точки зрения. М.: Изд-во “Гранд”, 2002. С. 167–177.

⁷ Малащенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Весь мир, 2006. С. 53.

⁸ Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: “Рефл-бук”; К.: “Ваклер”, 2002. С.51

⁹ Панарин И.Н. Технология информационной войны. М.: “КСП+”, 2003. С. 133.

¹⁰ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. М.: “Дело”, 2005. С. 300.

¹¹ Бажанов Е.П. Современный мир. М.: “Известия”, 2004. С. 169.

¹² Кашлев Ю., Галумов Э. Информация и PR в международных отношениях. М.: “Известия”, 2003. С. 137.